

УДК 321.1

Феномен власти в классической и современной философии: сравнительный анализ

В. Т. Новиков, кандидат философских наук, доцент*

О. В. Новикова, кандидат философских наук**

Осуществляется компаративный анализ и рассматриваются особенности понимания власти в классической и постклассической философии, характеризуются основные концепции власти в современной философии и общественнознании.

The Phenomenon of Power in Classic and Modern Philosophy: Comparative Analysis

V. T. Novikov, PhD., Associate Professor

O. V. Novikova, PhD.

The peculiarities and distinctions of the power concept in classic and postclassic philosophy are the object of the comparative analysis. The basic theories of power in modern philosophy and social sciences are characterized.

Власть является постоянной спутницей человека в его поступках и действиях, и не случайно говорят о «многоликости» власти — экономической, политической, правовой, семейной... Философию в первую очередь интересует вопрос о *сущности власти* как таковой, независимо от сферы ее действия и проявления — будь то ее онтологические, психологические или методологические аспекты. Что же представляет собой власть как социально-культурный феномен в ее концептуальном измерении?

При попытке определения власти, как и определения любого сложного социального явления, мы встречаемся с ситуацией плюрализма дефиниций, обусловленной существованием различных интерпретаций данного феномена. Тем не менее, можно дифференцировать интерпретации власти в зависимости от исторической формы и характера развития самой философии — классической или постклассической, современной.

Так, типичное для античной, средневековой и новоевропейской мысли классическое философское понимание власти, представленное в работах Платона, Аристотеля, Н. Макиавелли, Т. Гоббса, Дж. Локка, М. Вебера, характеризует власть как способность и возможность социального субъекта осуществлять свою волю, используя различные ресурсы и технологии (авторитет, силу, традиции, закон, техники манипулирования сознанием и др.). **В классической философской интерпретации** власть наделяется следующими атрибутами:

* Доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук БГУ.

** Преподаватель кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук БГУ.

а) *инструментальной природой*, в соответствии с которой власть рассматривается лишь как средство, особый инструмент для достижения цели. Власть, тем самым, ценна лишь постольку, поскольку способствует реализации потребностей субъекта;

б) *наличием и определяющим влиянием рациональных оснований властных отношений*. Властвование предполагает обязательное осознание субъектом собственных интересов, постановку цели и последующее осуществление продуманных действий по ее достижению. Поэтому, по словам известного римского философа-стоика Сенеки, «если хочешь взять власть над всем, отдай власть над собою разуму! Многим будешь ты повелевать, если разум будет повелевать тобою» («Нравственные письма к Луцилию»);

в) *поляризацией отношений властвования*. Для существующей картины общественных отношений характерно жесткое разграничение властных полномочий между субъектом — обладателем власти и объектом — подвластным. Властью распоряжаются лишь ее субъекты;

г) *концентрацией власти* в руках одного человека (тирана, деспота) или узкой группы лиц, находящейся в прямой зависимости от него. Поскольку гражданское общество фактически отсутствует или неразвито, правитель или властвующая группа олицетворяют верховную власть в обществе;

д) *конфликтностью субъект-объектных отношений*. Поляризация властных отношений в обществе свидетельствует о существовании в нем непримиримых противоречий. Последние с необходимостью ведут к конфликту, разрешаемому в форме социального взрыва, следствием которого становится радикальная перестройка всего общества;

е) преобладанием *форм прямого насилия* и использованием военных ресурсов в качестве основного инструмента смены правящих династий, устранения неугодных правителей, захвата территорий, обращения населения в рабство, геноцида покоренных народов;

ж) опорой на *мифологическое и религиозное знание* как основное идеологическое средство обоснования претензий правителя и его окружения на обладание имеющей сакральный характер властью. Разъяснением этой позиции является авторитетное мнение Августина: «Ибо и политическое и мифическое есть одновременно и то и другое» [1, VI,8].

В современной философии власти (Ф. Ницше, З. Фрейд, М. Фуко, Р. Барт, Ж. Делёз, Ж. Бодрийар) власть наделяется такими основными чертами, как:

а) *субстанциальная природа*. В отличие от концепций классической философии, в которых власть выполняет вспомогательную, служебную функцию, способствуя удовлетворению потребностей человека или социальной группы, в концепциях современной философии власть начинает рассматриваться как самоценность. В *субстанциальной концепции власти* она обретает статус субстанции бытия человека и общества, поскольку без нее немислимо само их существование. В частности, такое понимание власти характерно для Ф. Ницше, рассматривающего «волю к власти» в качестве всеобщего принципа мироустройства и миропонимания, а саму власть — как тотальную, врожденную и определяющую форму бытия мира;

б) *наличие и активное влияние внерациональных оснований властных отношений*. Осознание в современной философии сложной биопсихосоциальной природы человека способствовало артикуляции роли нерациональных оснований социального бытия человека. В одних концепциях такая ситуация связывалась с «укорененностью», благодаря обладанию «волей к власти»*, человека-лидера в «жизненном потоке». В других концепциях она обуславливается определяющим влиянием на

* По этому поводу Ф. Ницше во фрагменте с красноречивым названием «Анти-Дарвин» пишет: «Та воля к власти, в которой я вижу последнее основание и сущность всякого изменения, дает нам в руки средство понять, почему отбор не происходит в сторону исключений и счастливых случаев: наиболее сильные и счастливые оказываются слишком слабыми, когда им противостоят организованные стадные инстинкты, боязливость слабых, численное превосходство. Общая картина ценностей, как она мне представляется, показывает, что в области высших ценностей, которые в наше время повышены над человечеством, преобладание принадлежит не счастливым комбинациям, отборным типам, а напротив — типам декаданса, — и, может быть, нет ничего более интересного в мире, чем это *неутешительное зрелище...*» [2, с. 324].

властные функции человека и социальных групп индивидуального и коллективного бессознательного (З. Фрейд, К. Г. Юнг и др.);

в) *диффузия и децентрация властных отношений*. В современных философских концепциях власти отмечается размывание жестких границ между субъектом и объектом власти. Такая ситуация свидетельствует о признании их реальной взаимозависимости и отражает характерную для современного демократического общества открытость социального пространства для участия во властных отношениях любых социальных субъектов;

г) *корпоративная принадлежность*. Децентрация власти, тем не менее, не означает вообще исчезновения различия между ее субъектом и объектом. В современной философии власти в роли властвующего субъекта рассматривается, как правило, не отдельный индивидуум, какими бы выдающимися способностями он ни обладал, а корпорация. Власть принадлежит определенной группе людей и существует, пока эта группа сплочена, а ее лидер уполномочен действовать от ее имени, будучи ответственным перед ней;

д) *установка на предотвращение социальных конфликтов*, однако если они все же возникают, то установка на *мирную форму их разрешения*. Обострившиеся социальные проблемы, о которых свидетельствует наступивший кризис, должны решаться путем политических и экономических реформ в интересах всех слоев и общественных групп. При этом обращается внимание на необходимость не только правовой, но и *моральной ответственности* субъектов за свои властные действия;

е) применение преимущественно *опосредованных форм принуждения* — переход от насильственных (прежде всего военно-политических) и камуфлирующих насилие экономических, этнокультурных, гендерных форм властного принуждения к ненасильственным формам «власти убеждения». Обращается внимание на эффективность получающих все большее распространение информационных технологий манипулирования общественным сознанием и психологического воздействия на массы;

ж) создание и использование в социальной практике специальной системы знания — *идеологии*, призванной целенаправленно отражать и обосновывать интересы о определенной социальной группы, а также организация ее распространения в пространстве социальной коммуникации средствами пропаганды и агитации. Благодаря этому идеологии приобретают характер понятного массам, по выражению Р. Барта, «искусственного мифа» [3, с. 251].

Э. Фромм, в частности, таким образом объяснял потребность современного человека в мифе: «Человеческий мозг живет в двадцатом веке; сердце

большинства людей — все еще в каменном. Человек в большинстве случаев еще недостаточно созрел, чтобы быть независимым, разумным, объективным. Человек не в силах вынести, что он предоставлен собственным силам, что он должен сам придать смысл своей жизни, а не получить его от какой-то высшей силы, поэтому людям нужны идолы и мифы» [4, с. 11].

Эти и другие особенности властных отношений в жизни современных обществ находят отражение и получают специфическую интерпретацию, наряду с субстанциальной концепцией, в ряде других постклассических концепций власти.

В частности, в *структуралистской концепции* (М. Фуко), в которой власть рассматривается как социальное отношение — своего рода силовое «напряжение», определяющее всю жизнь социума. Это властное отношение укоренено в обществе, создавая ощущение «всеподнадзорности» и являясь способом контроля социума за собственным психическим состоянием. Особенностью современной власти является то, что это — «дисциплинарная власть», обезличивающая человека и превращающая его в объект изучения и воздействия дисциплин — криминологии, психиатрии, медицины, социальных наук. Хотя власть — это отношение, функция, или, как пишет М. Фуко, «не столько владение, сколько действие», она способна локализоваться. Суть локализации власти, составляющей «микрофизику власти», заключается в ее воплощении в разнообразных социальных институтах и учреждениях: в органах управления, тюрьмах, больницах, психиатрических лечебницах, учреждениях образования, проявляя себя тем самым как атрибут любого общества. У М. Фуко «само Государство возникает как результат совместного действия или как равнодействующая функционирования множества механизмов и очагов, расположенных на совершенно ином уровне и самостоятельно образующих «микрофизику власти» [5, с. 49].

В *постструктуралистской концепции* (Ж. Делёз, Ф. Гваттари, Ж. Лакан) с характерными для нее утверждениями, что «во всём в мире присутствует власть» и вместе с тем что «всё есть речь», также обосновывается универсальный статус властных отношений. Но это обоснование осуществляется на иных методологических принципах. Так, в языке, межличностных коммуникациях, политике, в которых укоренена власть, существуют словесные бинарные оппозиции, за которыми скрываются реальные существующие между людьми межличностные и социальные противоречия. Это такие оппозиции, как «мужчина — женщина», «родители — дети», «начальник — подчиненный», свидетельствующие о принципиальном неравенстве со-

циальных статусов данных людей. Следовательно, можно говорить о существовании между ними отношений репрессивной власти. Поэтому требует *деконструкции* сама речь и связанные с ней коммуникативные знаково-символические практики, что должно способствовать радикальному изменению всей социальной жизни, которая в принципе невозможна без них. Необходимо отказаться от лежащей в их основе *структуры*, как иерархически упорядоченной организации. Ее место должна занять *ризома* — «корневая» система, не обладающая строгой и иерархической организацией и в которой отсутствует репрессивная власть, поскольку все элементы по социальному статусу равноценны.

В *социобиологической концепции* о стремлении к власти говорят как о стремлении к доминированию, имеющем у человека врожденный характер и общем у него с другими живыми существами. Мнение о биологическом происхождении властной доминанты в природе человека высказывали в древности и в Новое время Аристотель, Т. Гоббс, К. А. Гельвеций, Ф. Ницше, В. Ваккаро, У. МакДугал и др. В 1963 г. в работе «Так называемое зло» К. Лоренц прямо говорит об инстинктивном механизме агрессивности человека, разрабатывая «гидравлическую» модель, объясняющую действие агрессии на основе аналогии с давлением воды, зажатой плотиной в закрытом водоеме. Однако в концептуальной форме представления о заложенных в природе человека основаниях власти оформляются в возникшей в 70–80-е гг. XX в. социобиологии. В ней, в частности, используется понятие *гена власти*, фиксирующее биологическую предзаданность стремления человека к власти, высказывается предположение о существовании у человека и животных инстинкта «простазии» — стремления к превосходству над самцом-соперником, который у животных связан с процессом размножения, а у человека проявляется в стремлении к власти, обретая тем самым социальное выражение.

В *психологических концепциях* власть рассматривается как многоплановый феномен. Так, Е. Вятр, Е. В. Егорова и другие рассматривают ее с позиций восприятия и эмоционального отношения к ней человека. Сторонников другого подхода власть интересует как источник мотивации деятельности, создающей комфортное мироощущение и душевное равновесие. В частности, согласно Д. Макклелланду, мотивом стремления к власти может быть как господство над людьми, так и обеспечение собственной свободы и душевного равновесия. Действительно, обладание властью способно вызывать положительные эмоциональные переживания, что было подмечено М. Вебером, считавшим, что стремиться к власти можно, чтобы наслаждаться «чув-

ством престижа, который она дает» [6, с. 646]. Состояние переживания принадлежности к «власть имущим» отражено в словах одного из американских политиков У. Фаулера: «Вы обладаете властью, если другие думают, что вы обладаете властью», которые можно было бы дополнить: «...и вы об этом знаете».

В *социально-психологической концепции*, имеющей междисциплинарный характер, власть характеризуется как в своей сущности инстинктивное проявление воли толпы (массы), негативное воздействие которой на общественные события просматривается на всем протяжении всемирной истории и являлось предметом обсуждения еще в Древней Греции. Речь идет о негативной оценке охлократии у Сократа, Платона, Аристотеля и др.

Целенаправленное изучение этого феномена началось в XIX в. и было продолжено в XX в. в работах Г. Тарда, Ф. Ницше, З. Фрейда, Х. Ортега-и-Гассета, Э. Канетти и других мыслителей, отмечавших такие особенности толпы, как восприимчивость к внушению, готовность к импульсивным действиям, возникновение стадного инстинкта, бездумное следование за лидерами и т. д. Обоснование такой позиции можно найти в работах одного из зачинателей исследования феномена толпы Г. Лебона, акцентировавшего внимание на том, что «до сих пор самой определенной ролью масс было великое разрушение устаревших цивилизаций. Роль эта существует не с нынешнего дня. История указывает нам, что как только нравственные силы, на которых покоилась цивилизация, теряют власть, дело окончательного разрушения завершается бессознательной и грубой толпой, справедливо называемой варварами. Цивилизации создавались и оберегались маленькой горстью интеллектуальной аристократии, никогда — толпой. Сила толпы направлена лишь к разрушению...» [7, с. 8].

Другой, оригинальный взгляд на движущую силу объединения людей в массу свойствен Э. Канетти: ею является страх перед другими людьми или, как пишет автор, страх перед *прикосновением*. «Освободить человека от этого страха перед прикосновением, — отмечает он, — способна лишь *масса*. Только в ней страх переходит в свою противоположность. Для этого нужна *плотная* масса, когда тела прижаты друг к другу, плотная и по своему внутреннему состоянию, то есть когда даже не обращаешь внимания, что тебя кто-то «теснит». Стоит однажды ощутить себя частицей массы, как перестаешь бояться ее прикосновения (...) Все вдруг начинает происходить как бы *внутри одного тела*» [8, с. 392]. И хотя здесь трактовка основного мотива объединения людей иная, главное остается — в основе стремления людей к объединению

в массу и обладанию в ее составе властью лежит стадный инстинкт.

В *классической психоаналитической концепции* (З. Фрейд) стремление к власти рассматривается в трех аспектах. Во-первых, как наследие семейно-родовых отношений. Отношение к власти современного человека, с точки зрения З. Фрейда, производно от свойственной ребенку врожденной потребности в защите его отцом. Тираническая власть отца в большой патриархальной семье приводит к восстанию взрослых сыновей и убийству отца, после чего наступает раскаяние и начинается поиск нового главы коллектива, способного восстановить порядок. Этим наместником всевластного отца-патриарха с необходимостью становится авторитарный лидер. Во-вторых, как следствие активности либидо вождя, которое, являясь психоэнергетическим субстратом деятельности, спланирует людей в почитающую его и стремящуюся идентифицировать себя с ним массу. Это позволяет массе почувствовать себя приобщенной к тайне власти. В-третьих, как проявление сублимации — преобразования энергии либидо в политическую активность. Данная концепция стала теоретическим основанием получившего широкое распространение в общественном сознании XX в. политического психоанализа и связанного с ним популярного жанра психобиографий великих личностей современности — политиков, бизнесменов, деятелей культуры. В нем были определены такие характерные для политика черты, как комплекс мании величия, «вкус» к власти, нацеленность на борьбу, стремление к спору, любовь к игре и риску.

В *неклассической психоаналитической концепции* (А. Адлер, К. Хорни) стремление к власти связывается с преодолением формирующихся в детстве чувств неполноценности и беспокойства. А. Адлер рассматривает власть как возможность их преодоления путем совершенствования и *компенсации* или путем *сверхкомпенсации* в форме складывания комплекса превосходства, в основе которого лежит преувеличение своих способностей. У него бессознательные влечения выступают как побудительная сила стремления к власти, а сама власть — как средство самоутверждения человека в обществе, а у К. Хорни — как одна из защитных невротических стратегий избавления от чувства беспомощности [9, с. 97–105].

В политической науке идея компенсации легла в основу теории мотивации политической деятельности Г. Лассуэлла. Разрабатывая ее, автор предлагает психопатологическую типологию политических лидеров, в которой выделяются три типа лидеров в зависимости от влияния бессознательных факторов на их действия. Во-первых, «*агитатор*»,

любящий риторику и являющийся «нарциссом», который ориентирован на близкие цели и для которого важно быть замеченным, чтобы унижать оппонентов. Во-вторых, «администратор», который проецирует свои аффекты на конкретную ситуацию и стремится к манипуляциям локальной группой. Ему чужды абстракции, поскольку он не нуждался в них при решении своих эмоциональных проблем и ранее. В-третьих, «теоретик», представляющий группу экспертов и идеологов, которые стремятся «к абстракции и грандиозности». Их повышенная интеллектуализация является своеобразным ответом на когда-то не решенные собственные эмоциональные проблемы [10, с. 187–188].

В *концепции гуманистического психоанализа* (Э. Фромм) власть сопряжена с экзистенциальной потребностью в совместной жизни с другими людьми и в то же время с потребностью в «бегстве от свободы», которая всегда индивидуальна и обрекает человека на одиночество. Власть и есть инструмент такого «бегства», проявляясь в форме как мазохизма — добровольной зависимости и готовности к подчинению, так и садизма — воспринимаемой как норма эксплуатации другого человека. Как правило, садистские ориентации преобладают в элите, а мазохистские — в массе. У Э. Фромма мазохизм — не что-то постыдное, это защитный механизм, помогающий людям избежать изоляции и найти покровителя в лице авторитарного лидера или государства как такового. Но и в одном и том же человеке могут совмещаться обе эти формы: он согласен беспрекословно подчиняться приказам начальства и при этом унижает подчиненных. Есть, как отмечает Э. Фромм, и другой случай модификации характера, связанный с изменением общей социальной ситуации: «Так, садистская личность, которая может при желании вести себя как тихий и даже милый человек, в тоталитарном обществе (...) может превратиться в настоящего дьявола. Другой может подавлять в себе все явные формы садистского поведения, но его характер все равно проявится в мелочах: в позах, мимике, жестах, внешне безобидных словах» [11, с. 84].

В *функционалистской концепции* (Т. Парсонс, Т. Кларк) власть квалифицируется как «обобщенный посредник» отношений, подобный деньгам, влиянию, общественному признанию, то есть как одно из средств, способствующих взаимопониманию в обществе, его самоорганизации и бесконфликтному развитию. Власть сама по себе ценности не представляет, поскольку предназначена для достижения общественно значимых целей. В работе «Система современных обществ» Т. Парсонс отмечает: «Мы определяем власть как способность принимать и «навязывать» решения, которые обя-

зательны для соответствующих коллективов и членов постольку, поскольку их статусы подпадают под обязательства, предполагаемые такими решениями. Власть следует отличать от влияния, так как издание обязывающих решений совсем не похоже на меры убеждения. В соответствии с нашим определением, гражданин, отдавая свой голос на выборах, осуществляет власть, поскольку совокупность таких голосов обязующим образом определяет исход выборов. Малая порция власти — всё равно власть, подобно тому, как один доллар — небольшие деньги, но всё равно деньги» [12, с. 455].

Хотя власть рассматривается не персонифицированно, а как *способность социальной системы* обеспечивать использование принятых обязательств, направленных на реализацию коллективных целей, тем не менее, характер использования властных полномочий является показателем профессионального и жизненного успеха человека, занятого в той или иной сфере деятельности.

В *ролевой концепции* (Р. Дарендорф, Д. Мак-Грегор, К. Левин) власть характеризуется как атрибутивное свойство социальных функций — «ролей», которые заключаются в руководстве процессами в обществе со стороны субъектов власти — лидеров. Существует несколько версий данной концепции. Так, *личностная* версия основывается на определении качеств, необходимых руководителю для эффективного управления, — как профессиональных (образованность, коммуникабельность, психологическая совместимость, эрудированность, должностная компетентность, организаторский талант, склонность к инновациям и др.), так и личных. *Поведенческая* версия рассматривает власть как деятельность руководителя, обеспечивающую решение коллективом задач в соответствии с определенным стилем. Наиболее известной типологией является типология К. Левина (1938 г.), в которой выделяются авторитарный (авторитарный), либеральный (попустительский) и демократический стили руководства. Важно, что социальная роль, согласно которой живет и действует человек, оценивается им не как навязываемая извне обязанность, а как реализация своего предназначения, как важная грань его социального бытия.

В *символической концепции* (П. Бурдьё, Э. Кассирер, О. Тоффлер, Х. Арндт) власть понимается как возможность заявить о себе и утвердить себя во взаимодействии и общении с другими людьми. Основой символической власти является символический капитал, под которым понимается общественная духовная собственность — моральные ценности и нормы, традиции и обычаи, нравы и ритуалы, мировоззренческие установки, социальные идеалы и другие феномены коллективной памяти и духовной культуры общества.

Особое место в структуре символического капитала власти принадлежит знаниям, информации, информационным технологиям, являющимся, по образному определению Э. Тоффлера, «революционным богатством» [13]. Но функцию капитала эти феномены начинают выполнять только при наличии двух условий. Во-первых, когда они реально способствуют интеграции людей в коллектив, пробуждению у них коллективного самосознания и мобилизации на достижение социально значимых целей. Последнее обстоятельство следует специально подчеркнуть, поскольку здесь артикулируется возникшая в древности и ставшая *idée fixe* всей моральной философии мечта об активном влиянии образа жизни человека (в нашем случае — общества) в *прошлом* на качество жизни в *настоящем* и его потенциальные возможности в *будущем*.

Во-вторых, чтобы обрести властную функцию, символический капитал должен использоваться в деятельности. Известный французский социолог П. Бурдьё, в частности, связывает его использование с существованием «габитуса» — усвоенных субъектом схем мышления и действия. «Габитус есть одновременно система схем производства практик и система схем восприятия и оценивания практик. В обоих случаях эти операции выражают социальную позицию, в которой он был сформирован. Вследствие этого габитус производит практики и представления, поддающиеся классификации и объективно дифференцированные, но они воспринимаются непосредственно, как таковые только теми агентами, которые владеют кодом, схемами классификации, необходимыми для понимания их социального смысла» [14, с. 193–194]. «Запуск» механизма габитуса способствует реализации властного потенциала символического капитала, ибо, «кто владеет информацией, тот владеет властью».

По мнению разделяющего данную концепцию известного политолога Х. Арендт, власть существует только тогда, когда люди взаимодействуют и общаются друг с другом на основе дискурса — общей социально сформированной системы значений, норм и правил «языка» общения, обеспечивающего взаимопонимание людей. Обладание символической властью проявляется в возможности влияния с помощью смыслов, символов и идей, которые транслирует публике представитель власти. В частности, в политике эффективным и популярным

является использование «образа врага» как символа того, что мешает благополучию общества. Владение дискурсом власти — ее символическим капиталом — дает человеку ощущение собственной значимости в глазах окружающих и чувство принадлежности к элите.

Конечно, различение классической и постклассической концепций власти имеет относительный характер — речь, по существу, идет об *акцентах* в рассмотрении одного и того же онтологического феномена — власти как таковой. Действительно, зачатки неклассической интерпретации власти находят в воззрениях Аристотеля, для которого характерно дуальное понимание власти: как господства над кем-либо (сущность понимания власти в классической философии), так и понимания ее как способности достижения всеобщего блага и справедливости. В свою очередь, классическая философская интерпретация власти не является реликтом и характерна для многих видных современных политических философов и ученых — Г. Лассуэлла, Р. Картрайта, В. Даля, Э. Гидденса, что свидетельствует о ее актуальности и эвристичности.

Список цитированных источников

1. *Августин Блаженный*. О Граде Божиим / Августин Блаженный. — Минск; М., 2000.
2. *Ницше, Ф.* Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей / Ф. Ницше. — М., 1994.
3. *Барт, Р.* Мифологии / Р. Барт. — М., 2000.
4. *Фромм, Э.* Бегство от свободы / Э. Фромм. — М., 1989.
5. *Делёз, Ж.* Фуко / Ж. Делёз. — М., 1998.
6. *Вебер, М.* Избранные произведения / М. Вебер. — М., 1990.
7. *Лебон, Г.* Психология масс / Г. Лебон // Психология масс: хрестоматия. — Самара, 1998.
8. *Канетти, Э.* Человек нашего столетия / Э. Канетти. — М., 1990.
9. *Хорни, К.* Культура и невроз / К. Хорни // Психология личности: тексты. — М., 1982.
10. *Ольшанский, Д.* Политическая психология / Д. В. Ольшанский. — СПб., 2002.
11. *Фромм, Э.* Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм. — М., 1994.
12. Цит. по: *Кравченко, С. А.* Социология: парадигмы через призму социологического воображения / С. А. Кравченко. — М., 2007.
13. *Тоффлер, Э.* Революционное богатство / Э. Тоффлер, Х. Тоффлер. — М., 2008.
14. *Бурдьё, П.* Социальное пространство и символическая власть / П. Бурдьё // Начала / П. Бурдьё. — М., 1994.

Дата поступления в редакцию: 07.09.2011 г.